

ОНТОЛОГИЯ: БЫТИЕ И НЕБЫТИЕ

В.Т. Фаритов

ПЕРСПЕКТИВИЗМ НИЦШЕ, ФИЛОСОФСКОЕ ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ТРАНСГРЕССИЯ

Аннотация. Предметом исследования статьи является философская теория дискурса в свете концептуальных разработок Ф. Ницше. Автор подробно рассматривает связь перспективизма немецкого мыслителя с такими концептами современной онтологии, как дискурс и трансгрессия. В статье эксплицируется онтологическое содержание концепта дискурса. Подробно рассматривается место и роль перспектив трансценденции и трансгрессии в дискурсе. Большое внимание в статье уделяется интерпретации базовых разработок учения Ф. Ницше (воля к власти, сверхчеловек, мораль) в ракурсе современной философской теории дискурса. Используется методический арсенал, разработанный неклассической философской и социально-гуманитарной мыслью. Частично применяются методологические установки герменевтических и постструктуралистских подходов. Основным результатом проведенного исследования является экспликация связи современной философской теории дискурса с концептуальными разработками Ф. Ницше. Показана связь концепта дискурса с перспективизмом Ф. Ницше. Выявлена специфическая роль феномена трансгрессии в теории дискурса и в учении Ф. Ницше. Концепты дискурса и трансгрессии представлены как онтологические феномены.

Ключевые слова: дискурс, трансгрессия, трансценденция, перспектива, Ницше, перспективизм, метадискурс, воля к власти, сверхчеловек, способ бытия.

Review. The subject of the study is the philosophical theory of discourse in terms of the conceptual development of Friedrich Nietzsche's ideas. The author examines the relationship between perspectivism of the German philosopher and such concepts of modern ontology as discourse and transgression. The article makes explicit the ontological meaning of the concept of discourse. In particular, the author studies the role and place of transcendence and transgression prospects in the discourse. Much attention is paid to the interpretation of the basic teachings of Nietzsche (the will to power, the superman and morality) from the perspective of the contemporary philosophical discourse theory. The author has used the set of methods developed by non-classical philosophy and social sciences and humanities. The author has also used several methodological provisions of hermeneutical and poststructuralist approaches. The main result of the study is the explication of the relationship between the contemporary philosophical discourse theory and the conceptual development of Friedrich Nietzsche's ideas. The author demonstrates that there is a certain relation between the concept of discourse and perspectivism of Nietzsche. The author also identifies the specific role of the phenomenon of transgression in the theory of discourse and in the teachings of Friedrich Nietzsche. The concepts of discourse and transgression are being presented as ontological phenomena.

Keywords: transgression, transcendence, perspective, Nietzsche, perspectivism, discourse, metadiscourse, will to power, superman, way of being.

Дискурс является одним из знаковых концептов гуманитарной и философской мысли XX и XXI столетия [1; 2]. Данный концепт активно применяется в современных лингвистических, литературоведческих, социологических, политологических и психологи-

ческих исследованиях. На его основе формируются такие исследовательские направления, как критический дискурс анализ, дискурсивная психология [3; 4; 5]. В философские исследования концепт дискурса проникает через разработки постструктуралистов [6]. При этом философский потенци-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта проведения научных исследований № 15-33-0122 «Комплексное исследование трансгрессии как сущностной характеристики современной социально-культурной реальности».

ал дискурса не ограничивается областью исключительно постструктуралистских исследований. Концепт дискурса вбирает в себя такие фундаментальные для неклассической философской мысли категории, как перспектива, власть, граница, трансгрессия [7]. В целом можно говорить о формировании самостоятельной парадигмы в области современной онтологии, где концепт дискурса выступает в качестве альтернативы таким категориям классической онтологической мысли, как бытие и сознания, идеальное и материальное. В связи с этим особую значимость приобретает задача исследования предпосылок становления философской теории дискурса. В истории философии появление концепта дискурса было предопределено кардинальными преобразованиями, происходившими в онтологии на рубеже XIX-XX вв. Исток этих преобразований представлен в учении Ф. Ницше. Ниже мы рассмотрим, как основополагающие разработки немецкого мыслителя создают предпосылки для возникновения философской теории дискурса. Тем самым будет раскрыт и углублен онтологический потенциал концепта дискурса.

Позицию Ницше в отношении базовых вопросов онтологии можно определить как перспективизм [8; 9; 10]. Речь здесь идёт о перспективном характере существования мира: «видимый мир, то есть мир, понятый в соответствии с ценностями, упорядоченный, отобранный в соответствии с ценностями, то есть в данном случае с точки зрения полезности в смысле сохранения и усиления власти определенного вида животных. *Перспектива*, стало быть, придает миру характер видимости! Как будто останется какой-нибудь мир, если убрать перспективу! Да ведь в таком случае исчезнет и *относительность*, – у любого средоточия силы до самого конца сохраняется *перспектива*, то есть вполне определенный способ *ранжировать оценки*, присущий ему способ действовать, способ противостоять» [11, с. 339]. Обратим внимание, что Ницше говорит о перспективе как о проявлении средоточия силы, а не какого-либо субъекта. Это принципиальный момент: ницшевский перспективизм нельзя сводить к разновидности субъективного идеализма, так как никакого субъекта, задним числом устанавливающего перспективы, у него нет. Есть не субъект, но конфигурация сил, которая сама представляет собой не что иное, как определённую перспективу бытия. Не существует молнии, которая затем сверкает, молния и есть сверкание. Также не существует деятеля, который

действует, производит перспективы. Любая конфигурация сил уже и есть определенная перспектива существования, определенным образом организованный *мир*. Гипостазированного картезианского субъекта просто не существует, как не существует и мира самого по себе. Оппозиция субъективного и объективного в ницшевском перспективизме устраняется: мир не субъективный и не объективный. Онтология Ницше осуществляет трансгрессию субъективного и объективного.

Теперь обратимся к концепту дискурса. Для начала мы возьмем не философское, но хрестоматийное лингвистическое определение дискурса, предложенное В.З. Демьянковым: «Discours – дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса...» [12, с. 7]. Формально, лингвистически дискурс – это текст (или фрагмент текста). Но это не просто текст: дискурс создает *контекст*, который определяется не столько лингвистическими элементами, сколько – «миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса». Итак, дискурс есть конституирование мира или – перспективы существования. Это уже не лингвистическое, но онтологическое понимание дискурса, истоки которого мы находим в ницшевском перспективизме.

В первом приближении феномен дискурса известен в качестве системы взглядов на мир, оценок, необходимых для деятельности. То есть дискурс представляет собой мировоззрение – в том смысле, в каком этот феномен охарактеризован, например, в «Воскресенье» Л.Н. Толстого: «Всякому человеку, для того чтобы действовать, необходимо считать свою деятельность важною и хорошею, и потому, каково бы ни было положение человека, он непременно составит себе такой взгляд на людскую жизнь вообще, при котором его деятельность будет казаться ему важною и хорошею». Ценностный взгляд на жизнь вообще – это и есть перспектива существования или дискурс. Но онтологически дискурс шире феномена мировоззрения. Мировоззрение представляет собой лишь частную разновидность дискурса как онтологического феноме-

на. Дискурс есть механизм осуществления власти, понимаемой как подчинение и присвоение иного, как распространение определенной перспективы существования: «По моим представлениям, каждое специфическое тело стремится захватить господство над всем пространством, распространяя на него свою силу (свою волю к власти) и отбрасывая прочь все то, что сопротивляется его экспансии. Однако беспрестанно наталкивается на такие же стремления других тел и кончает тем, что договаривается («вступает в союз») с теми из них, которые достаточно родственны ему: *тогда они вместе составляют заговор, чтобы захватить власть*. И процесс продолжается...» [11, с. 342].

Обратим внимание, что Ницше говорит не о мыслящем субъекте, носителе мировоззрения, но о теле. Тем самым оказывается преодолена картезианская парадигма в философии, воплотившаяся в трансцендентализме (от И. Канта до Э. Гуссерля включительно). Не субъект, но тело устанавливает господство, производит перспективы, конституирует специфический мир. Этим положением преодолевается ещё и гуманистическая, антропоцентрическая парадигма нововременной философии. Тело, в отличие от мыслящего субъекта, уже не является специфически и исключительно человеческим способом существования. Тело – это также и животные, растения – «каждое специфическое тело». Тело – это определенная конфигурация элементов, соответственно, определенный способ существования, определенная перспектива мира. Тело – и есть, таким образом, дискурс, а не субъект дискурса. Этот момент очень важно постоянно удерживать в поле зрения. Ницше не просто заменяет картезианский мыслящий субъект неким телесным субъектом. Он разрабатывает онтологию, в которой субъект смещается с позиций онтологического центра. По значимости такой поворот в мышлении бытия сопоставим с открытием Коперника и «коперниканской революцией» Канта. Ницше открывает новую эру в онтологии и философская теория дискурса – один из вариантов развития раскрытых немецким мыслителем горизонтов.

Итак, дискурс есть воля к власти. Но воля к власти для Ницше есть воля к видимости, воля к лжи, воля к искусству: «Сама эта способность, благодаря которой он *насилует реальность ложью*, эта присущая человеку *художественная способность* *par excellence*, она все еще разделяется им со всем сущим... *Не видеть* действительного характера существования – вот тайный умысел – глубочайший

и наивысший – науки, благочестия, художников. Многого вовсе не видеть, многое видеть превратно, глядя, многое добавлять... <...> И когда бы ни чувствовал человек радость, он всегда в ней верен себе: он радуется как художник, он наслаждается собой как властью! *Ложь и сеть эта власть!*» [11, с. 181].

Здесь заложено принципиально новое понимание проблем реальности и истины. Реальность, в которой живёт человек, – продукт его «художественной способности», способности к лжи, к перспективному видению и организации существования. То есть реальность – конструкт дискурса. Но кроме этой реальности нет никакого другого мира. Точнее говоря, нет самого по себе сущего мира, а есть множество различных перспектив, каждая из которых и представляет собой то, что выступает в качестве реальности. С точки зрения классических, по существу метафизических, представлений об истине, все эти реальности – ложны. Но поскольку не существует никакой истины самой по себе, никакого истинного мира, который противостоял бы всем перспективным мирам, то это множество перспектив – единственное, что можно охарактеризовать в качестве истины. В противном случае, истина – это ничто. По существу ложь, перспективное бытие, и есть истина. Классическая метафизическая оппозиция истинного и ложно подводится в учении Ницше к горизонту своего исчезновения, трансгрессии. Такой же результат выдает философская теория дискурса. Истина – это всегда эффект дискурса, как было показано, например, М. Фуко [6].

Дискурс производит реальность, дискурс устанавливает ценности. «Точка зрения «ценности» есть точка зрения *условий сохранения и возвышения* сложных формаций с относительной продолжительностью жизни в рамках процесса становления» [11, с. 34]. Сложные формации – это и есть перспективы существования, определенным образом организованные (упорядоченные, схематизированные, ограниченные) миры или дискурсы. Их фиксированный, самотождественный характер является условным и временным, выделенным из процесса становления.

Важно учесть, что речь здесь не идёт преимущественно и исключительно о неких лишь ментальных и идеальных образованиях, – например, об интенциональных актах сознания в гуссерлевской феноменологии. Перспектива дискурса не ограничивается лишь измерением смысла. Дискурсы представлены также – и в первую очередь – телесными, материальными образованиями. Всякое тело пред-

ставляет собой сложную конфигурацию множества гетерогенных элементов, каждый из которых является источником силы, неким квантом власти. Это означает, что каждый элемент тела уже есть определенная перспектива. На уровне тела речь идёт об инстинктах – как о наиболее укоренившихся, составляющих само существо биологической материи перспективных оценках. Любой инстинкт – это материальная, биологическая перспектива существования. В этом преимущество инстинктов перед перспективами сознания, которые представляют собой вторичные образования, во многом являющиеся следствием ослабления и рассогласования инстинктов. Перспективы сознания зачастую слабо укоренены в теле, являются более легковесными, подвижными и фантастическими. Тело представлено множеством инстинктов (перспективных оценок), которые вступают между собой в отношения господства и подчинения. Более сильные инстинкты становятся доминирующими, более слабые занимают подчинённое положение. Получившаяся конфигурация является не статичной: борьба за власть между инстинктами продолжается всегда, любое достигнутое равновесие носит динамический характер. Так конституируется тело как дискурс: речь идёт не о дискурсе о теле, но именно о самом теле, представляющем собой конфигурацию гетерогенных перспектив. Любое тело и есть дискурс, выстроенная перспектива существования и роста власти.

Ницше исследует и описывает различные способы конституирования тела как дискурса. Различные перспективы, образующие тело, могут быть рассогласованы, отношение господства и подчинения между ними не установлено. Или, напротив, все перспективы могут быть подчинены одной доминирующей, которая в этом случае приобретает статус дискурсивного центра. В первом случае речь идёт «слабой воле», во втором – о «сильной»: «Множественность и дисгрегированность импульсов, отсутствие связывающей их воедино системы проявляется как «слабая воля»; их координированность с преобладанием одного из них проявляется как «сильная воля»; в первом случае – шатание и отсутствие центра тяжести, во втором – точность и ясность ориентации» [11, с. 360]. В первом случае на физиологическом и, соответственно, на духовном (если речь идёт о человеке) уровнях имеет место болезнь, декаданс, вырождение, нигилизм. Во втором случае – здоровье, утверждение существования.

Однако трансгрессивное состояние образующих тело импульсов (инстинктов, «страстей») не

всегда означает болезнь и упадок. Ницше выделяет третий тип организации дискурса тела, характеризующийся сосуществованием гетерогенных перспектив без раздора и без подчинения: «сосуществование страстей *безо* всякого раздора и взаимности: оно нередко бывает периодичным и тогда – коль скоро водворен какой-то порядок – тоже характеризуется здоровьем... Сюда относятся интереснейшие типы – хамелеоны; они не в разладе с собой, они счастливы и уверены в себе, но не способны к развитию – их состояния сосуществуют, даже если семижды разделены» [11, с. 314].

Таковы три основных способа конституирования дискурса тела: раздор, доминирование и сосуществование. Все три варианта являются универсальными способами бытия или жизни. Свои преимущества есть у каждого способа: даже раздор и болезнь могут быть путем к более высокому здоровью, к более сильной и монолитной конфигурации. Раздор, брожение и трансгрессия являются даже необходимым предусловием формирования созидательной воли и возникновения сверхчеловека: «Я говорю вам: нужно еще носить в себе хаос, чтобы родить танцующую звезду. Я говорю вам: в вас есть еще хаос» [13, с. 17].

Все живое есть определённая перспектива, а точнее – определённая конфигурация перспектив, дискурс. Особенностью человека является то, что у него возникают дискурсы, конституированные на базе сознания. В первую очередь здесь следует выделять мораль, которая представляет собой универсальную дискурсивную формацию, систему оценок, признаваемую строго обязательной и необходимой для всех (для всех представителей одного общества). Мораль есть система дискурсов, которым должны подчиняться все. Такой императив обусловлен не тем, что в моральном дискурсе представлена какая-то истина. Власть морального дискурса обусловлена необходимостью сформировать единое и общеобязательное пространство смыслов и оценок, которое превратит людей в «приверженцев великой совокупной веры»: «Не истина и достоверность оказываются антиподом мира помешанных, но общность и общеобязательность какой-либо веры, короче, отсутствие своей воли в суждениях, И величайшей работой людей было до сих пор достичь единодушия во взгляде на множество вещей и обложить себя *законом этого единодушия* – все равно, истины эти вещи или ложны» [14, с. 396]. Так конституируется метадискурсивное пространство согласия и взаимопони-

мания, конституируется общность, точнее, сама возможность какого бы то ни было общества. Ибо перспективы, порождаемые сознанием, в отличие от инстинктов, характеризуются чрезвычайной многообразностью и своеобразностью, подвижностью и преобразуемостью. Не будь этой воли к усреднению, упрощению и созданию совокупной веры, мы бы жили не в одном мире, но во множестве миров, между которыми не было точек соприкосновения. Такой способ существования привёл бы к преждевременной гибели рода человечества – этого слишком рискованного и склонного к авантюре вида животного. Чрезмерная доза сознательности губительна для человечества. Поэтому перво-наперво необходимо противонаправленное движение, затемняющее сознательность и формирующее некое усредненное метадискурсивное пространство общности и солидарности. Так возникает стадная мораль, так возникает стадный человек – вовсе не изначальная данность, но продукт длительной работы и коллективных усилий, направленных на устранение трансгрессии. Изначально человек – никакое не общественное или родовое животное. Изначальный импульс возникновения человека – чудовищная трансгрессия, нарушение установившихся в природе границ. Стадная мораль и стадный человек необходимы – поскольку являются первейшим условием сохранения человечества, условием создания устойчивой платформы для дальнейшего роста могущества, для дальнейшего трансгрессивного движения – за пределы животного, за пределы только человеческого (слишком человеческого) – к сверхчеловеческому.

Одним из наиболее значимых и действенных метадискурсов является религия. Религия позволяет сконституировать не просто общую систему взглядов и оценок. Она достигает значительно большего: человеческая масса превращается в народ, единое тело, выражающее волю к господству и самоутверждению своего типа существования. Механизм конституирования народа состоит в переходе от изначальной трансгрессии к трансценденции – к установлению в качестве метадискурсивного центра «трансцендентального означаемого» – Бога. В следующем фрагменте из наследия Ницше, солидаризируясь с идеями Ф.М. Достоевского и предвосхищая разработки О. Шпенглера, раскрывает значение трансценденции для формирования народа как самостоятельного типа дискурса: «У народа, который еще верит в себя, есть еще и свой Бог. В его лице народ чтит те условия, в силу коих он процветает,

– он проецирует довольство собой, свое ощущение власти на существо, которому можно выразить за это *благодарность*. Религия при подобных предпосылках – форма этой благодарности» [11, с. 472]. Так трансценденция становится доминирующей перспективой в конституировании нового тела – тела народа, движимого единой сильной волей. Таких тел не существует в природе, поскольку животные и растения образуют только виды и роды, но не создают тела высшего порядка – народа, этого роскошного плода на дереве жизни. Народ есть одна из форм утверждения воли к власти. Это дискурс, осуществляющий перевод инстинктивных форм существования в план духа. Но и эта форма существования подвержена гибели и вырождению. То, о чём О. Шпенглер будет писать впоследствии в «Закате Европы», Ницше представляет в следующих словах: «Но когда народ погибает; когда он чувствует, что исчезает его вера в будущее, в свободу и в свое превосходство; когда он осознает, что выгоднее всего попасть под гнет, а добродетели угнетенного суть условия выживания, – тогда, конечно, изменяется и его Бог. Он превращается в тихоню-ханжу, становится пугливым, застенчивым, проповедует «душевный покой», прекращение ненависти, всепрощение, даже любовь к друзьям и к недругам. Он заползает в нору личной добродетели, становится Богом маленьких людей: он больше не представляет агрессивную и жаждущую власти душу народа, его *волю к власти...*» [11, с. 472]. Так происходит трансформация религиозного метадискурса: трансценденция из перспективы мощного утверждения воли к власти переводится в план нигилистического отрицания воли. Бог становится обезличенным и абстрактным, потусторонним, приближающимся к Ничто. Это растворение трансценденции в потустороннем Ничто и приводит к ставшему хрестоматийным тезису о смерти Бога.

Ницше последовательно, на протяжении всего творчества, разрабатывает идею другого пути осуществления воли к власти в пространстве дискурса человеческого существования. Возможно движение не в сторону интеграции индивидов в единое дискурсивное пространство, но наоборот: в направлении выхода за пределы «пространства совокупной веры». Это путь дальнейшего трансгрессивного движения: трансгрессия теперь осуществляется уже не в отношении природного, животно-растительного способа существования, но в отношении установленных специфически человеческих дискурсов и метадискурсов. Это трансгрессия стадной морали,

трансгрессия коллективных форм существования, трансгрессия человеческого на пути к сверхчеловеческому. Тот, кто принимает такой способ существования, занимает по отношению к установленным дискурсам позицию исключения: он не позволяет уловить себя никакой определенной перспективе, никакой вере; он становится по ту сторону существующих дискурсов, ускользает от власти любого из них. Его положение – это положение на границе дискурсивной определенности: «И от тебя хотят они Да или Нет. Горе, ты хочешь поставить свой стул между За и Против?» [13, с. 53]. Такой лиминальный человек [15, с. 143] движется в сторону самостановления, осуществляемого вне перспектив установленных дискурсов: «Надо спрашивать себя: хочу ли я шагать *вперед* всех? Или хочу шагать *в одиночку*? Первый случай означает, что самое большее, ты станешь пастырем, то есть потребностью стада. Второй – что нужно уметь другое: *самочинно* идти в одиночку, *уметь* идти не так и – не такими путями» [11, с. 9]. Ницше даёт подробные практические рекомендации по реализации такого пограничного положения. Вот некоторые из них: «– какое-то время не делать, не говорить, не добиваться ничего, что не вызывало бы страха или презрения, что автоматически не ввергало бы людей приличных и добродетельных в состояние войны, – что не *ставило бы вне общества*...

- представляться прямо противоположным тому, что ты есть на самом деле (еще того лучше – не противоположным, а просто другим: это намного трудней);
- ходить по каждому канату, плясать на каждой возможности: *ноги* должны стать гениальными;
- какое-то время действовать так, чтобы твои средства противоречили твоим целям, даже дискредитировали их» [11, с. 431].

Суть всех этих рекомендаций одна: поставить себя вне какого бы то ни было «пространства совокупной веры», вне общественной (стадной) морали. Это очень сложный вопрос: возможен ли еще дискурс там, где нет пространства согласия и взаимопонимания? Ведь дискурсы, и прежде всего дискурсы сознания, ориентированы по своему существу на установление консенсуса, на формирование общности. Дискурс предполагает правило и тип, исключение есть ускользание от правила и типа. Но, в свою очередь, исключение также предполагает правило, хотя и особым образом: как отправной пункт для трансгрессивного движения, как точку отталкивания. Более того: правило предполагает еще и ис-

ключения, трансгрессивные феномены, которые не позволяют дискурсивной определенности окончательно заостреть и превратиться в полную противоположность жизни и становлению, в трансцендентное Ничто. Исключения апробируют новые пути, новые перспективы существования. Возможно, какая-то часть этих перспектив будет впоследствии ассимилирована обществом, получит статус правила и станет дискурсом. Но доля таких «успешных» экспериментов не велика. К тому же подобная ассимиляция исключения дискурсами приводит к неизбежному искажению и извращению раскрываемых исключениями перспектив. Значительная же часть этих экспериментальных перспектив приведет к гибели самих экспериментаторов, что, однако, не следует рассматривать как возражение против исключений. Скорее наоборот: в таком трансгрессивном разбросе проявляется дионисийская избыточность жизни, ее превосходство над любым правилом, над любым дискурсом. Исключения не создают дискурсов, их бытие – это роскошь и риск трансгрессии дискурсивных форм существования как таковых. И Ницше вовсе не был романтиком, призывающим к такому пути всех и вся. Он трезво оценивал необходимость как того, так и другого способа бытия – как установления пространства дискурсов, так и трансгрессии дискурсивной определенности: «Итак, требуются добродетельные интеллекты – ах! я хочу употребить самое недвусмысленное слово – требуется *добродетельная глупость*, требуется незыблемый метроном *медленного* ума, дабы приверженцы великой совокупной веры пребывали совместно и продолжали танцевать свой танец: этого властно требует самая первостепенная нужда. Мы, *прочие*, *суть исключение и опасность* – мы вечно нуждаемся в защите! – Что ж, и в пользу исключения можно сказать кое-что, *при условии, что оно никогда не хочет стать правилом*» [14, с. 397].

Так в общих чертах представляется нам философская теория дискурса в свете концептуальных разработок Ф. Ницше. Мы хотели показать в этой статье, что концепт дискурса не является таким популярным фокусничеством и актерской игрой «постмодернистов», модным словечком, завораживающим массы своей «постмодернистской» непонятностью и бессмысленностью. Оставим в стороне всякий «постмодернизм». Философская теория дискурса является одним из закономерных путей продолжения и разработки того концептуального поворота в философии, инициатором и первопродцом которого стал Ницше.

Список литературы:

1. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008.
2. Марков Б.В. Знаки бытия. СПб.: Наука, 2001.
3. Йоргенсен М.В., Филиппс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
4. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics London: Verso, 2001.
5. Torfing J. Discourse Theory: Achievements, Arguments and Challenges // Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance / Ed. by D. Howarth, J. Torfing. Houndmills, New York: Palgrave Macmillan, 2005.
6. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.
7. Фаритов В.Т. Онтологический статус феномена дискурса // Эпистемология и философия науки. 2014. № 1. С. 124-136.
8. Гранье Ж. Ницше. М.: АСТ: Астрель, 2005.
9. Данто А. Ницше как философ. М.: Идея-присс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
10. Делёз Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003.
11. Ницше Ф. Черновики и наброски 1887-1889 гг. // Ницше Ф. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 13. М.: Культурная революция, 2006.
12. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста // Всесоюзный центр переводов. Тетради новых терминов, 39. М.: ИНИОН РАН, 1982.
13. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М.: Культурная революция, 2007.
14. Ницше Ф. Веселая наука (la gaia scienza) // Ницше Ф. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 3: Утренняя заря. Мессинские идиллии. Веселая наука. М.: Культурная революция, 2014.
15. Подорога В. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Сёрен Киркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка. М.: Ad Marginem, 1995.
16. Фаритов В.Т. Дискурс и трансгрессия. Перспективы онтологического исследования // Философская мысль. 2015. № 3. С. 1-9. (DOI: 10.7256/2409-8728.2015.3.14919. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_14919.html).
17. Фаритов В.Т. Научное творчество как трансгрессивный феномен // Философия и культура. 2014. № 10. С. 1416-1422. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.10.10415).
18. Фаритов В.Т. Трансгрессия и трансценденция как перспективы времени и бытия в философии М. Хайдеггера и Ф. Ницше // Философская мысль. 2014. № 8. С. 1-24. (DOI: 10.7256/2409-8728.2014.8.13371. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_13371.html).

References (transliteration):

1. Kasavin I.T. Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsial'nyu epistemologiyu yazyka. M.: Kanon+, 2008.
2. Markov B.V. Znaki bytiya. SPb.: Nauka, 2001.
3. Iorgensen M.V., Phillips L. Diskurs-analiz. Teoriya i metod. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr, 2008.
4. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics London: Verso, 2001.
5. Torfing, J. Discourse Theory: Achievements, Arguments and Challenges // Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance / Ed. by D. Howarth, J. Torfing. Houndmills, New York: Palgrave Macmillan, 2005.
6. Fuko M. Arkheologiya znaniya. Kiev: Nika-Tsentr, 1996.
7. Faritov V.T. Ontologicheskii status fenomena diskursa // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2014. № 1. S. 124-136.
8. Gran'e Zh. Nits'she. M.: ACT: Astrel', 2005.
9. Danto A. Nits'she kak filosof. M.: Ideya-priss, Dom intellektual'noi knigi, 2000.
10. Delez Zh. Nits'she i filosofiya. M.: Ad Marginem, 2003.
11. Nits'she F. Chernoviki i nabroski 1887-1889 gg. // Nits'she F. Poln. sobr. soch. v 13 t. T. 13. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2006.
12. Dem'yankov V.Z. Anglo-russkie terminy po prikladnoi lingvistike i avtomaticheskoi pererabotke teksta // Vsesoyuznyi tsentr perevodov. Tetradi novykh terminov, 39. M.: INION RAN, 1982.
13. Nits'she F. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo // Nits'she F. Poln. sobr. soch. v 13 t. T. 4: Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2007.
14. Nits'she F. Veselaya nauka (la gaya scienza) // Nits'she F. Poln. sobr. soch. v 13 t. T. 3: Utrennyaya zarya. Messinskie idillii. Veselaya nauka. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2014.
15. Podoroga V. Vyrzhenie i smysl. Landshaftnye miry filosofii: Seren Kirkegor, Fridrikh Nits'she, Martin Khaidegger, Marsel' Prust, Frants Kafka. M.: Ad Marginem, 1995.
16. Faritov V.T. Diskurs i transgressiya. Perspektivy ontologicheskogo issledovaniya // Filosofskaya mysl'. 2015. № 3. С. 1-9. (DOI: 10.7256/2409-8728.2015.3.14919. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_14919.html).
17. Faritov V.T. Nauchnoe tvorchestvo kak transgressivnyi fenomen // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 10. С. 1416-1422. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.10.10415).
18. Faritov V.T. Transgressiya i transtsendentsiya kak perspektivy vremeni i bytiya v filosofii M. Khaideggera i F. Nits'she // Filosofskaya mysl'. 2014. № 8. С. 1-24. (DOI: 10.7256/2409-8728.2014.8.13371. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_13371.html).